
СРЕДНЕВЕКОВОЕ ЗОДЧЕСТВО АРМЕНИИ И ЕГО ЗНАЧЕНИЕ В ИСТОРИИ МИРОВОЙ АРХИТЕКТУРЫ

Доктор архитектуры О. Х. ХАЛПАХЧЬЯН (Москва)

За последние десятилетия достигнуты значительные успехи в изучении исторических архитектурных произведений Армении. В научный обиход непрерывно вводятся новые памятники—гражданские, производственные и инженерные сооружения, свидетельствующие о богатстве и своеобразии архитектурного наследия страны. Все чаще появляются обзорные работы, в которых сделаны попытки обобщить и комплексно рассмотреть весь обширный новый материал, в еще более ярком свете рисующий самобытность культуры армянского народа и значимость вклада, внесенного им в сокровищницу мировой архитектуры.

На протяжении всего средневековья процесс становления и формирования армянского зодчества протекал в сложных исторических условиях. Иноземные нашествия приносили Армении огромные бедствия. Большой ущерб наносился экономике, страна неоднократно опустошалась, приходили в упадок земледелие и ремесленное производство, разрушались не только рядовые, но и уникальные архитектурные сооружения, уничтожались ценнейшие произведения изобразительного искусства, древнейшие рукописи и миниатюры. Но, несмотря на длительное политическое и экономическое порабощение и вынужденную массовую эмиграцию армян, тяжелые исторические испытания не смогли уничтожить национальную культуру. Временами завоевателям удавалось замедлять и нарушать прогрессивное развитие культуры армянского народа, и все же они не в силах были остановить это развитие, которое, хотя и неравномерно, но непрерывно продолжалось во всех ее областях как на территории Армении, так и в различных армянских колониях.

Весьма показательно, что нить развития армянского зодчества никогда не прерывалась. В настоящее время мы еще не располагаем достаточным количеством примеров гражданских, производственных и инженерных сооружений средневековой Армении в их хронологической последовательности, чтобы нарисовать целостную картину их эволюционного развития. Но, несмотря на еще имеющиеся в данном вопросе значительные пробелы, уже совершенно очевидна историческая преемственность этой важной области армянского зодчества, самобытные корни которой уходят в глубокую древность. Как свидетельствуют многочисленные примеры, каждый очередной этап базировался на достижениях предшествующего, отличаясь от него новыми, более развитыми конструк-

тивными и архитектурно-художественными формами и композициями, отражавшими условия своего времени и в первую очередь уровень строительной техники и запросы развивавшегося армянского общества.

Наличие тесной преемственности между отдельными этапами развития армянского зодчества, которая характерна также и для архитектур многих других стран, объясняет устойчивость традиций, наглядно проявившихся как в особенностях строительной техники, так и в объемно-пространственных композициях и декоративном убранстве.

Культовые, гражданские, производственные и инженерные сооружения Армении, как показало их изучение, объединяет не только общность художественных особенностей, но в значительной степени и общность конструктивных форм, приемов и техники строительства, что оказалось возможным только благодаря влиянию общественных и в первую очередь цеховых организаций строителей. Именно технические приемы строительного производства оказали решающее и притом благотворное влияние на развитие архитектурных форм и общего построения сооружений. Только знание физико-химических и механических свойств строительных материалов, неписанных законов и процессов производства строительных работ, осуществляющихся в сложных сейсмических условиях Армянского нагорья, в совокупности с художественными вкусами и эстетическими воззрениями, позволяло народным мастерам создавать оригинальные, отличающиеся ярким национальным своеобразием произведения архитектуры. Сохранившиеся до наших дней памятники армянского зодчества показывают, что мастерство строительного выполнения, в особенности техника производства каменных работ, была доведена народными мастерами до высокого совершенства.

Вопросы градостроительной культуры стали освещаться в литературе более или менее подробно только в последние годы. До настоящего времени еще не изучен полностью ни один из древних городов Армении и не представляется возможным с достаточной полнотой определить характерные для различных периодов общую структуру города, расположение, назначение и форму площадей, зависимость от них уличной сети, принцип размещения важнейших зданий и сооружений, определяющих архитектурный облик города, их художественную значимость и влияние на окружающую застройку. Пока что обо всем этом можно говорить только предположительно и условно.

Тем не менее имеющиеся скудные и отрывочные данные позволяют констатировать, что планировка и застройка сельских и городских поселений не представляли собой нечто постоянное, сохранявшееся в неприкосновенности на протяжении веков. Часто мелкие поселки разрастались в большие селения и крупные торгово-ремесленные и административные города, замки превращались в городские цитадели, что значительно видоизменяло их градостроительные особенности. Внешний облик и архитектурно-планировочная композиция поселений более или менее заметно изменялись в зависимости от изменений социально-экономическо-

го уклада армянского общества. Особенно наглядно это сказалось на внегородских монастырских комплексах.

Изучение средневековых поселений позволило не только выявить в общих чертах характер градостроительной культуры, но и в известной степени показать социальную сущность возводившихся в них сооружений. Возросшее в средние века значение города как центра торговли и ремесленного производства и особенности городской жизни армян обусловили появление новых типов сооружений и новых черт сооружений традиционных типов, существовавших в предшествующие периоды. Вместе с тем город являлся центром художественной культуры, налагавшей отпечаток на общее развитие архитектуры соответствующего района или страны в целом на определенных этапах их исторического развития. На памятниках эпохи развитого феодализма отразились художественные воззрения городского населения, особенно наглядно выраженные в архитектуре городских гражданских зданий, относительно подробно изученных Н. Я. Марром в Ани.

Значение того или иного города не было постоянным и одинаковым в сложном процессе развития армянского зодчества. Письменные источники и сохранившиеся памятники различных периодов свидетельствуют о частой смене архитектурной значимости городов. Так, в V в. Двин затмил былую славу Арташата, а в X—XI вв. Ани превзошел своим величием Двин. Местное и притом кратковременное значение имели Еразгаворс, Карс, столицы княжеств—Востан, Ахтамар, Лориберд, Сиснан, в Киликийском Армянском государстве—Адана, Тарсон, Сис и др.

Изучение древних городищ, средневековых городов, поселений и отдельных сооружений позволило выявить и раскрыть архитектурно-художественные особенности многих произведений армянского зодчества, проследить интересный и своеобразный процесс становления и развития различных типов гражданских, производственных и инженерных сооружений.

Рассмотрение жилых домов позволяет констатировать, что архитектура армянского жилища не была единой не только для различных слоев средневекового общества Армении, но и в разные периоды. Она отличается большим разнообразием типов и композиционных форм, связанных с местными особенностями отдельных районов, с нахождением в селении или городе, с социальными условиями эпохи. Жилища феодалов и зажиточных горожан резко отличаются от крестьянских домов—глхатунов (*գլխատուն*). Тем не менее, несмотря на большое разнообразие типов жилищ, черты творческой самобытности, определяющие национальное своеобразие, отличают эти сооружения от аналогичных построек других народов.

Архитектура народного жилища оказала большое влияние на различные типы гражданских зданий. Сопоставление результатов их изучения позволяет установить определенную закономерность в сложном процессе архитектурного развития страны на протяжении эпохи средневековья. Художественные особенности конструктивных приемов, богат-

ство объемно-пространственных архитектурных форм и возможность получения многообразных сочетаний, которые допускали элементы народного жилища, позволили выработать оригинальные произведения гражданского зодчества высокой художественной ценности, такие, как школьные здания, книгохранилища, трапезные, караван-сарай и другие сооружения, сыгравшие вместе с жилыми домами большую роль в развитии архитектуры монументальных культовых памятников. Необходимо отметить также простоту и целесообразность многих сооружений, без сомнения составляющие одно из ценнейших отличительных свойств армянского зодчества.

Изучение архитектурно-художественных особенностей гражданских и инженерных сооружений Армении позволило констатировать самобытность местной культуры. Самостоятельные пути развития видны как в особенностях строительной техники и организации производства проектно-строительных работ, так и в градостроительстве, и в объемно-пространственных построениях жилых, общественных и производственных зданий, и в их деталях и архитектурном декоре.

Вместе с тем многочисленные памятники свидетельствуют о том, что развитие армянского зодчества не было изолированным процессом, а протекало во взаимодействии с культурой сопредельных и близко расположенных стран Переднего Востока и даже с культурой стран Западной Европы, имевших в средние века определенные связи со странами Востока. Культурные связи в основном и в первую очередь осуществлялись по линии многочисленных путей международной торговли. Вместе с караванами из Армении выезжали и прибывали ученые, различные специалисты и ремесленники, которые, синтезируя новейшие достижения культуры, обогащали армянское зодчество новыми формами и композициями, отвечавшими требованиям развивающегося общества.

В то же время Армения также сыграла немаловажную роль в развитии культуры иноземных государств. Средневековые письменные источники свидетельствуют о широкой известности армянских каменщиков и ремесленников как высококвалифицированных мастеров. Слава армянских строителей, как искусных специалистов каменного дела, была распространена далеко за пределами их родины. Неудивительно поэтому, что армянских мастеров-каменщиков приглашали для выполнения каменных работ на стройках иноземных государств. Наиболее показательный пример—приглашение «архитектора-каменщика Трдата» из Ани в Константинополь для восстановления купола храма Св. Софии после землетрясения.

Помимо приглашения, одной из наиболее распространенных форм привлечения армянских строителей и ремесленников к работам в чужеземные страны было их насильственное переселение завоевателями, довольно часто практиковавшееся в феодальную эпоху. Сведения подобного характера нередко можно встретить у средневековых авторов. Так, например, Рашид-ад-дин, упоминая о захвате при набегах значительных

богатств, попутно отмечает взятие в плен «множества ремесленников», а в другом месте—«одного армянского золотых дел мастера»¹.

Советские ученые, характеризуя иранское и сельджукское искусство, справедливо указывают на ту большую роль, которую сыграли в их формировании народы Закавказья и Средней Азии². Как отмечает А. Якубовский, иранское искусство «создавалось далеко не всегда и не везде иранскими мастерами, а часто мастерами из Армении, Албании, Грузии и даже Средней Азии»³. В. А. Гордлевский, критически оценивая последствия нашествий грабительских полчищ хорезмийцев и монголов, приходит к выводу о принудительном переселении мастеров и ремесленников из Закавказья в Малую Азию, где они в силу сложившихся обстоятельств «способствовали расцвету художественной промышленности и архитектуры» государства сельджукидов Рума⁴. Из армян-строителей, работавших в Румском султанате, сохранились имена двух зодчих, зафиксированные в арабских надписях, высеченных на стенах возведенных ими сооружений: это Тагавур, сын Стефана, строитель одного древнего сельджукского медресе в Малатии, и Галуст, строитель одного из лучших сельджукских памятников архитектуры в Иконии⁵. В памятниках мусульманской архитектуры Ирана и сельджукидов Малой Азии влияние армянского средневекового зодчества прослеживается особенно заметно в композиционных построениях и приемах декоративного убранства.

Представляет интерес сообщение историка Вильгельма Тирского, в котором говорится об использовании при разрушении укреплений Тира и его осаде крестоносцами в 1124 г. инженера-армянина из Антиохии—Аветика⁶. Собранные французским ученым П. Дешампом знаки строительств мастеров на камнях одной из крупнейших крепостей ноанитов (госпитальеров) Крак-де-Шевалье (XII в.) в Сирии, повторяющиеся во многих случаях аналогичные знаки армянских памятников, свидетельствуют об участии армянских мастеров в возведении крепости⁷.

В связи с рассматриваемым вопросом особую ценность представляет предпринятое И. А. Орбели исследование различных письменных документов—договоров и соглашений, составлявшихся в Киликийском Армянском государстве. Изучая эти документы, И. А. Орбели обнаружил в конце одного торгового договора венецианских купцов с киликийским

¹ Рашид-ад-дин. Сборник летописей, т. III, М., 1952, стр. 50.

² И. А. Орбели. Проблема сельджукского искусства. В кн.: «III Международный конгресс по иранскому искусству и археологии». Доклады. М.—Л., 1939.

³ А. Якубовский. Кавказ и Иран в эпоху Руставели. В кн.: «Памятники эпохи Руставели», Л., стр. 31.

⁴ В. А. Гордлевский. Государство сельджукидов Малой Азии, М.—Л., 1941, стр. 131.

⁵ См. F. Grenard, Note sur les monuments du moyen âge de Malatia, Divrighi, Siwas, Darendch, Amasla et Tokat, „Journal asiatique“, Paris, XVII, 1901, стр. 551.

⁶ См. Guillaume de Tyr, Historia Hierosolymitana, t. I, Paris, 1879, стр. 569—570.

⁷ См. P. Deschamps, Le Crac de Chevaliers, Paris, 1934, стр. 240—250.

армянским царем специальную оговорку об обязательстве первых впредь не похищать кликийских каменщиков для выполнения строительных работ на венецианских стройках. Этот документ свидетельствует еще об одном способе привлечения каменщиков на работу в чужие страны, а именно: их краже в мирное время у дружественного государства.

Известны случаи и принудительного выселения из страны, например, участников павликианского и тондракийского движения. После подавления этого движения его участники византийской администрацией были переселены большими группами на Запад, в основном на Балканский полуостров, где воззрения павликиан, найдя подходящую социальную почву, оказали влияние на крестьянские движения в Европе—альбигойцев на юге Франции и особенно на болгарское богомилство⁸.

Одной из причин работы армянских строителей в различных странах была массовая эмиграция армян, обусловленная нашествиями завоевателей и разграблением Армении. Подавляющее большинство западноевропейских авторов (Ш. Тексье, И. Стржиговский, О. Шуази, Ф. Маклер, Г. Балш и многие другие), так или иначе затрагивавших вопросы соприкосновения форм европейского средневекового зодчества с древнеармянской архитектурой, указывали на эмиграцию армян как на путь, по которому художественные идеи Армении проникали в Европу. Ученые XX в. в отличие от своих предшественников XIX в. (К. Шнаазе, Г. Ривойра, Н. П. Кондаков и др.), признавая оригинальность армянского зодчества, внесли в науку новый взгляд: они отстаивали ту точку зрения, что не столько Европа экспортировала в Армению архитектурные идеи, сколько, наоборот, армянское искусство несло европейскому неведомые ему конструкции и декоративные приемы.

Армянская архитектура, как и вообще армянская культура, не ограничивалась пределами метрополии. Благодаря расселению армян во многих странах мира, и особенно Европы, армянские строители могли принимать непосредственное участие в возведении различных сооружений этих стран.

И. Стржиговский прослеживает влияние Армении на архитектуру Византии и западноевропейских стран, Ю. Бальтрусайтис—на романоготическую архитектуру, Франсуаза Анри—на зодчество Ирландии⁹. По Ю. Бальтрусайтису, церковь Сан Сатиро в Милане (868—881 гг., обновлена в 1476—1514 гг. архитектором Браманте) воспроизводит план церкви в Багаране (624—631 гг.) в Армении, а в базилике Сент Мишель в Павии (XII в.) и в других сооружениях имеются многочисленные рельефы, распространенные в армянской скульптуре, например армянский геральдический орел, высеченный на крепостных стенах Анни. В Ломбардии была распространена кубическая капитель, известная в Армении по

⁸ См. Ս. Մ. Ս. Մեյեր-Р-Բաշի, Պաղիկյան շարժումը Հայաստանում, Երևան, 1953, стр. 234—245.

⁹ См. Հ. Խ. Խալփախչյան, Միջնադարյան Հայաստանի և Զրանսիայի մշակութային կապերի հարցի շուրջը. «Սովետական Հայաստան», Երևան, 1962, № 7, стр. 32—35.

Звартноцу. Тимпаны церквей в Уордуелле и Ноке и Сент Этьен в Бове очень напоминают армянские миниатюры из Ахпатского Евангелия. Строитель часовни (806 г.) дворца Карла Великого в Ахене—архитектор Ото из Меца—армянин по происхождению. Он же является зодчим церкви Жермине-де-Пре (806—811 гг.), план которой построен по типу кафедрального собора Эчмнадзина¹⁰. Многочисленные французские памятники, в особенности романского периода, несут отпечаток армянского влияния. Таковы церкви Прованса и Лангедока, Марии в Тарасконе, Киля в Гарде. Ф. Маклер упоминает в этой связи такие сооружения, как церковь Григория Армянского в Питивье, кафедральный собор Кагора, храм Богородицы в Пор-де-Клермоне и др. Портал церкви Трофима в Арле был восстановлен в 1221 г. армянским мастером. В соборе в Бурже сохранились надписи на армянском языке; армянские надписи имеются и на находящемся в Лионском музее клинчатом камне арки, вокруг изображенного на нем маленького жонглера (акробата).

Огромную роль в развитии интенсивного культурного и хозяйственного обмена между киликийскими армянами и франками сыграли крестовые походы¹¹. Большое значение имело знакомство крестоносцев со строительным искусством киликийских армян, которых они стали широко привлекать для своего строительства. Со времен крестовых походов во Францию получили развитие фортификационные сооружения, техника возведения которых была основана на выработанном в течение многих веков опыте киликийских мастеров. Первоначально, т. е. в начале XII в., крепостные сооружения типа горных киликийских замков воспроизводились во Франции в условиях, совершенно отличных от тех, в которых они возникали на своей родине. Здесь имело место своеобразное применение элементов горного замка к укреплениям, расположенным на равнине. В Нормандии после крестовых походов появился замок Шато-Гаяр (конец XII в.), возведенный Ричардом Львиное Сердце как неприступная крепость типа киликийских; этот замок послужил образцом для фортификационных сооружений Западной Европы. Характерны укрепления Авиньона, Эг-Морта (восходящие к римским), цилиндрические башни замка Филиппа Эльзасского в Генде (1176—1180 гг.), замки Куси и Каркассона. На Пиренейском полуострове показателен замок храмовников (тамплиеров) в Томаре (середина XII в.).

Крестовые походы оказали известное влияние и на культовое строительство Пиренейского полуострова, Франции, Англии.

В некоторых странах существовали крупные армянские колонии, служившие значительными культурными очагами, в которых архитектура возводившихся армянами сооружений продолжительное время полностью сохраняла свои национальные формы. Такие колонии, пользо-

¹⁰ См. журнал «Էջմիածին», 1959, № 12, стр. 46—48. Иного мнения придерживается А. Хачатрян (см. A. Khatchatrian, Notes sur l'architecture de l'église Germigny-des Prés. Cah. Arch., VII, 1954, № 1, стр. 161—169).

¹¹ См. О. Х. Халпахчьян. Архитектура Киликийской Армении, «Вестник истории мировой культуры», М., 1961, № 1, стр. 134—136.

вавшиеся привилегиями местных законов, существовали в Крыму, Польше, Молдавии и т. д. Обосновываясь на новых местах, армяне-переселенцы возводили жизненно необходимые сооружения—жилища, общественно-бытовые, производственные и культовые здания, воплощая в них строительные и художественные традиции своей родины. К сожалению, из многочисленных армянских сооружений в основном сохранились культовые, дошедшие до нас, за немногим исключением, перестроенными или в руинах. Эти памятники вместе с документальными данными свидетельствуют о величине и значимости армянских колоний.

В Крыму армянские поселенцы известны ранее X в. О мощности этой колонии в XIV в. имеются сведения в одной армянской рукописи, написанной в Кафе (Феодосии): «Когда усилились мы и умножились, построили села и округа, начиная от Карабазара (Карасубазара) до Сурхата (Старый Крым) и до Кафы. Горы и равнины наполнились монастырями и церквами до Сурхата. И построили сто тысяч домов и тысячу церквей и от страха перед скифами возвели стену (крепости.—О. Х.) в Кафе»¹².

Приведенные в рукописи цифровые данные явно преувеличены; тем не менее можно сказать, что на территории Крыма было много армянских селений, особенно в XIV—XVI вв. Только в Кафе из 70 000 жителей было 30 000 армян, а генуэзцев—только около 1000. Многочисленность армянского населения и его обширная торговая деятельность послужили для иностранных летописцев того времени основанием именовать Крым «Приморской Арменией»—«*Armenia maritima*»¹³.

Сооружения, возводившиеся армянами в Крыму, как правило, воспроизводили архитектурные формы, характерные для построек Армении. Тем не менее они имели также свои локальные особенности, появившиеся со временем в результате культурного общения с местным населением—генуэзцами, татарами и др. В свою очередь армянские памятники оказали известное воздействие на развитие архитектуры народов Крыма—различные сооружения которых нередко возводились мастерами-армянами. В этом отношении интересно исследование А. Л. Якобсона, который, обследуя древние бани Херсонеса, сопоставляет их с банями в Ани и Анберде¹⁴, что свидетельствует о существовании более ранних связей Крыма с Арменией.

Многочисленными и богатыми были армянские колонии в Молдавии (древняя Молдова) и Польше. Особенной известностью пользовалась колония во Львове. По исследованию И. П. Крипьякевича, армяне в основном занимались здесь различными ремеслами и торговлей¹⁵. Материалы ревизии 1565 г. показывают, что в Подзамче Львова армяне имели не

¹² О. Х. Халпахчян. Армяно-русские культурные отношения и их отражение в архитектуре, Ереван, 1957, стр. 19—20.

¹³ Там же, стр. 20.

¹⁴ См. А. Л. Якобсон. Из истории средневековой архитектуры в Крыму, «Советская археология», М.—Л., 1946, № 8.

¹⁵ См. И. П. Крипьякевич. К вопросу о начале армянской колонии во Львове, «Историко-филологический журнал», Ереван, 1963, № 1, стр. 165—169.

только ремесленные мастерские, но и такие предприятия, как кирпичные заводы, водяные мельницы, бани и др. Из жилых построек армян во Львове заслуживает упоминания дом архиепископа близ церкви Анны, возведенный во второй половине XVII в. архитектором Унаняном¹⁶. На площади Рынок во Львове сохранилось несколько жилых домов типа украинских каменниц, в которых архитектор Г. Н. Логвин обнаружил в 1959 г. армянские надписи. Они были вырезаны на нижних поверхностях центральных деревянных прогонов патолочных перекрытий главных парадных комнат на втором этаже. В доме № 24 армянскими буквами была указана только дата армянского летосчисления (*ԹՎ ՌՃԺԸ*); тот же год был указан и по-латыни (AD 1669). В доме № 22 центр балки украшала выполненная в виде розетки монограмма, расшифрованная нами как имя строителя—Габриэл; по сторонам ее располагалась армянская надпись, гласящая: «Владыка Бог, сохрани вход и выход, лета (армянского.—О. Х.) 1063» ($1063 + 551 = 1614$ г.; *ՏՐ ԱԾ ՊԱՀԵՍՅԷ ԶՄՈՒՏՆ ԵՒ ԶԵԼՆ ԹՎ ՌԿԳ*). Тип зданий—каменницы—и расположение их вдали от армянской части города дают основание предполагать, что они перешли в ведение армян позднее их возведения. Из культовых сооружений армян заслуживают упоминания соборный храм во Львове, возведенный в 1363 г. на месте более ранней деревянной армянской церкви 1183 г., армянские церкви в Каменец-Подольске (1394 г., две—1552 г., 1576 г. и II пол. XVII в.), в Ярославле (XIV—XV вв.), в Луцке и других городах.

В Молдове армянские церкви, судя по сохранившимся на них надписям, послужившим основой для исследований Ф. Маклера, появились в Ботошане в 1350 г., в Яссах—в 1395 г., Сучаве—в 1512 и 1521 гг., в Романах—в 1551 г., в Галаце—в 1669 г. и т. д.¹⁷ В 1715 г. армянами был основан город Кутн на берегу реки Черемош. Почти все армянские церкви были возведены в традиционных архитектурных формах культовых сооружений Армении, оказавших влияние и на развитие архитектуры Молдовы. Румынские ученые Г. Балш и П. КонстантINESКУ отмечают то большое значение, которое имели армянские памятники для развития молдавского зодчества¹⁸. Согласно их исследованиям, наличие армянских корней прослеживается как в декоративном убранстве, так и в деталях планово-объемной композиции архитектурных памятников Молдовы.

Влияние армянского зодчества заметно и в других балканских странах—Далмации, Сербии, Болгарии¹⁹, которые, как уже отмечалось, начиная с VIII в. служили местом ссылки армянских павликянов.

¹⁶ См. О. Х. Халпахчян. Армяно-русские культурные отношения и их отражение в архитектуре, стр. 24.

¹⁷ См. там же.

¹⁸ См. G. Bacs, *Influences armeniennes et georgiennes sur l'architecture roumaine*, Valeni de Munte, 1931; P. Constantinescu-Iași, *Influente a le arhitecturii vechi rusești asupra vechii arhitecturii românești*, București, 1951.

¹⁹ См. А. Л. Якобсон. Очерк истории зодчества Армении V—XVII вв., М.—Л., 1950, стр. 163.

Наконец, можно отметить также участие армянских мастеров и в строительстве стран Северной Африки. Обследовавший монастыри этой части материка В. Г. Бок нашел в них явные признаки, свидетельствующие о работе армянских каменщиков, что подтверждается и многочисленными надписями на армянском языке²⁰.

Подводя итоги, можно отметить, что многочисленные памятники зодчества Армении представляют собой наглядное доказательство высокого мастерства народных строителей, сумевших выработать созвучные условиям эпохи конструктивные и композиционные приемы. Несмотря на тяжелые условия своего исторического существования, армянский народ сумел пронести через все выпавшие на его долю суровые испытания, сохранить и приумножить неписанные традиции строительного искусства, сложившиеся на протяжении веков и передававшиеся народными мастерами из поколения в поколение. Выдающиеся особенности армянского зодчества имели определенное влияние на развитие архитектуры западноевропейских стран.

**ՀԱՅԱՍՏԱՆԻ ՄԻՋՆԱԴԱՐՅԱՆ ՃԱՐՏԱՐԱՊԵՏՈՒԹՅՈՒՆԸ ԵՎ
ՆՐԱ ՆՇԱՆԱԿՈՒԹՅՈՒՆԸ ՀԱՄԱՇԽԱՐՀԱՅԻՆ ՃԱՐՏԱՐԱՊԵՏՈՒԹՅԱՆ
ՊԱՏՄՈՒԹՅԱՆ ՄԵՋ**

Ճարտարապետության դոկտոր Հ. Խ. ԽԱԼՓԱԽՉՅԱՆ (Մոսկվա)

(Ա մ փ ո փ ո մ)

Հայաստանի քաղաքացիական և ինժեներական կառուցվածքների ճարտարապետական-դեզարվետային առանձնահատկությունների ուսումնասիրությունը հնարավորություն է տալիս հաստատելու տեղական մշակույթի ինքնատիպությունը, որը նկատվում է ինչպես շինարարական տեխնիկայի առանձնահատկությունների ու նախադժային-շինարարական աշխատանքների կառմակերպման մեջ, այնպես էլ քաղաքացիական, հասարակական ու արտադրական շինությունների ծավալային-տարածական կառուցվածքների և մանրամասների ու ճարտարապետական հարգարման սեջ:

Երա հետ մեկտեղ րազմաթիվ հուշարձաններ վկայում են այն մասին, որ հա՛յ ճարտարապետության դարգացումը մեկուսացած պրոցես չէր, այլ ընթանում էր Առաջավոր Արևելքի սահմանակից ու մերձակա երկրների և նույնիսկ Արևմտյան Եվրոպայի որոշ երկրների մշակույթների հետ փոխներգործության պայմաններում: Սխառմանակ Հայաստանն իր հերթին նույնպես ցարևոր դեր է խաղացել օտար տերությունների մշակույթի դարգացման դործում: Սիջնագորյան դրավոր ադրյուրները վկայում են, որ հայ քարգործներն ու առհեստավորները լայն ճանաչում ունեին որպես բարձրորակ վարպետներ: Հայ շինարարները՝ ուպես քարե աշխատանքների հմուտ մասնագետների համբալո տարածվում էր նրանց երկրի սահմաններից շատ հեռու: Հա՛յ ճարտարապետության ադդեցությունը նշմարվում է Բյուզանդիայի, արևմտաւրոպական միշարք երկրների և Հյուսիսային Աֆրիկայի երկրների ճարտարապետության վրա:

²⁰ См. В. Г. Бок. Материалы по археологии Египта, IIб., 1901.